

— Вовсе нет, — ответил Цзян Шоуянь. — Я повезу тебя на поезде. Больше десяти часов в жёстком вагоне. Не будет даже откидного столика, чтобы прилечь ночью.

Чэн Цзайе оглядел его голову со всех сторон, взял ножницы и ещё немного подровнял, придав затылку красивую, аккуратную форму.

— По крайней мере ты не заставишь меня стоять все эти десять часов, — сказал Чэн Цзайе. — Ты всё равно очень добр ко мне.

Цзян Шоуянь через зеркало бросил на него взгляд. Чэн Цзайе отложил ножницы и, шурша полиэтиленовой накидкой, прильнул к нему. Мелкие волоски с накидки тут же налипли на его одежду. Он обнял Цзян Шоуяня, положив подбородок ему на плечо, и спросил:

— А ты раньше ездил на поездах?

Цзян Шоуянь слегка отстранил его:

— Осторожно, я в волосах.

Чэн Цзайе выпрямился, отряхнул с себя остриженные волосы и снял с Цзян Шоуяня накидку. Цзян Шоуянь посмотрел на себя в зеркало. С короткими волосами он выглядел куда свежее и бодрее, хотя из-за долгой апатии взгляд всё ещё оставался немного потухшим. Он опустился на корточки и вместе с Чэн Цзайе принялся убирать с пола волосы, отвечая на заданный вопрос:

— Ездил, когда учился в университете. Тогда ещё не было скоростных поездов, а билеты на самолёт стоили слишком дорого. От Сычуани до Пекина мне приходилось сначала ехать на двух автобусах с пересадками, а потом больше двадцати часов трястись в жёстком вагоне поезда, потому что билеты в этот вагон стоили намного дешевле. — Вспоминая те времена, Цзян Шоуянь словно перебирал старые фотографии — так давно это было. В его голосе зазвучали нотки ностальгии: — Наверное, из-за того, что был молод, да и воодушевлён, я мог просидеть двадцать с лишним часов и совершенно не чувствовать усталости. Сейчас так уже не получится. Теперь, если еду на скоростном поезде дольше трёх часов, начинает ломить поясницу.

В уголках глаз Цзян Шоуяня мерцал слабый свет. Чэн Цзайе молча наблюдал за выражением его лица. Двадцать с лишним часов, ночь, день, снова ночь — до рассвета. Поезд, петляя по горным дорогам, выезжает на равнину... О чём думал Цзян Шоуянь в те моменты? Гордился ли собой, глядя на полыхающее утреннее солнце?

— О чём задумался? — Цзян Шоуянь редко видел Чэн Цзайе таким рассеянным, поэтому помахал пятернёй у него перед глазами. — Неужели и правда испугался жёстких сидений? — усмехнулся он. — Да не заставлю я тебя там сидеть. В поезде есть и мягкие вагоны, на худой конец можно купить билет на самолёт.

Чэн Цзайе взял его за руку и ответил:

— Думаю о том, какой же ты молодец.

Цзян Шоуянь не привык к таким прямым похвалам и по инерции начал отнекиваться:

— Это всё дела давно минувших дней.

— Ты из прошлого — всё ещё ты, — возразил Чэн Цзайе. — Прошлые события нужны для того, чтобы в какой-то момент в будущем вспомнить их и сказать себе: «Ого, а ведь я через такое прошёл!» И с этим чувством продолжать двигаться вперёд, чтобы в ещё более далёком будущем с улыбкой вспомнить сегодняшний день. Вспомнить, как Чэн Цзайе сказал тебе, что ты большой молодец.

Цзян Шоуянь приоткрыл рот, но в носу вдруг подозрительно защипало, и он не смог вымолвить ни слова.

— А ещё он сказал, что хочет поехать с тобой на поезде в Мохэ, — продолжил Чэн Цзайе. — Наверное, мы встретим рассвет прямо в вагоне. Интересно, зимние рассветы красивее обычных?

Цзян Шоуянь опустил глаза и тихо ответил:

— Не знаю.

Чэн Цзайе обнял его и с улыбкой произнёс:

— Тогда давай посмотрим вместе.

Цзян Шоуянь немного помолчал, а затем уткнулся лицом ему в плечо, пряча заблестевшие глаза:

— Угу.

Мохэ располагался в районе Большого Хингана. Зимы там долгие и суровые, и той одежды, что они взяли с собой, явно не хватало чтобы чувствовать себя комфортно и не мёрзнуть. Поэтому на следующий день Чэн Цзайе и Цзян Шоуянь отправились на ближайший рынок, чтобы закупиться согревающими пластырями, пуховыми жилетками, свитерами, плотными шапками и прочими тёплыми вещами.

— Кажется, теперь в самый раз, — сказал Цзян Шоуянь, поправляя шапку. Он открыл приложение на телефоне и ещё раз взглянул на прогноз погоды в Мохэ на ближайшие две недели: сплошные минуса. Прожив так долго на юге, он всё никак не мог привыкнуть к такому обилию снежинок на экране.

Чэн Цзайе заглянул в пакеты и прикинул:

— Должно хватить. Если что, докупим на месте.

Вдруг он, подняв глаза, заметил какую-то пёструю красно-зелёную расцветку и добавил:

— Мне кажется, мы кое-что забыли.

— А? — Цзян Шоуянь проследил за его взглядом. Возможно, это была какая-то телепатическая связь, но среди множества разноцветного постельного белья он с первого взгляда понял, на что именно положил глаз Чэн Цзайе. С невозмутимым видом Цзян Шоуянь отрезал: — Мне кажется, ничего не забыли.

Чэн Цзайе пару раз дёрнул его за рукав:

— Ну давай купим, ну давай! Я очень хочу!

Через пару минут Цзян Шоуянь с каменным лицом зашёл в лавку и купил два огромных дунбэйских одеяла в аляповатый цветочек. В конце концов, их можно будет подстелить в поезде, чтобы было мягче спать.

Примечание переводчика. Дунбэйское одеяло в аляповатый цветочек (□□□□) — традиционное дунбэйское (северо-восточное) одеяло с ярким, контрастным узором (чаще всего красные и зелёные пионы на ярком фоне). Считается символом деревенского колорита северо-востока Китая (Дунбэй), а в интернете часто становится объектом добрых шуток как квинтэссенция «бабушкиного стиля».

Подробности и внешний вид тут (оказывается, во всём виновата наша хохлома):
<https://daily.zhihu.com/story/9743358>

Вернувшись в отель, Чэн Цзайе запихнул в стиральную машину всё, что можно было постирать,

а потом закинул выстиранное в сушилку. Цзян Шоуянь сидел на краю кровати и звонил Ци Чжоу. Снежные розы во дворе успели подтаять и покрыться коркой свежего льда. Сквозь оконное стекло этот вид не казался удручающим, скорее просто холодным и безмолвным.

Ци Чжоу взял трубку после нескольких долгих гудков. В его голосе всё ещё слышались отголоски смеха, и, услышав это, Цзян Шоуянь невольно улыбнулся.

— Чему ты так радуешься?

— Да вот, лепим пельмени с роднёй Линь Хуаня. Что случилось? Соскучился?

После их недавней переписки в WeChat Ци Чжоу был спокоен за Чэн Цзайе на сто двадцать процентов. Между ними давно зародилось негласное правило: твоя собственная жизнь может идти наперекос, но ты обязан удостовериться, что человек, которого выбрал твой друг, — тот самый. В своё время Цзян Шоуянь наотрез отказывался оставлять Ци Чжоу и Линь Хуаня наедине, навязываясь им в качестве третьего лишнего. Предлогом всегда служили совместные ужины, но на деле он просто присматривался к Линь Хуаню, пытаясь понять, стоит ли тот доверия.

Проблема заключалась в том, что ни он, ни Линь Хуань не отличались особой общительностью. Вся тяжесть поддержания беседы ложилась на плечи бедного Ци Чжоу. В студенческие годы бывали моменты, когда за столом повисали настолько неловкие паузы, что Ци Чжоу хотелось просто плюнуть на всё и сбежать. Потом испытательный срок подошёл к концу. Цзян Шоуянь перестал постоянно контролировать их, начал потихоньку общаться с Линь Хуанем, и со временем они даже научились обмениваться парой фраз без жуткого напряжения.

Цзян Шоуянь спросил:

— Хотел узнать, на сколько дней ты забронировал отель? Планируете сюда возвращаться?

— А что такое? Вы уезжаете или решили перебраться куда-то ещё? — ответил Ци Чжоу.

— Едем в другое место.

Вообще-то Ци Чжоу снял номер в отеле исключительно ради Цзян Шоуяня, они с могли бы остановиться у Линь Хуаня, благо его дом находился неподалёку. Изначально они договаривались, что в первые несколько дней Ци Чжоу будет показывать Цзян Шоуянью город, но тот был слишком вялым и не хотел никуда выходить.

Ци Чжоу догадывался о причине: Цзян Шоуянь боялся, что из-за его подавленного состояния они не смогут нормально отдохнуть, поэтому предпочитал отсиживаться в номере. А теперь, наверное, переживал, что Чэн Цзайе с ним умрёт со скуки. Он всегда заботился о других, часто забывая подумать о себе.

Ци Чжоу ответил:

— Номер забронирован на пять дней. Если не выселиться, бронь продлится автоматически. Я взял короткий отпуск, так что оставшиеся дни мы проведём дома у Линь-гэ. Смотрите сами, будете ли вы там оставаться.

— Понял. Я потом скину тебе свою часть за проживание.

— О, а почему бы тебе заодно не скинуть мне и деньги за ту еду, что мы вместе ели? — саркастично протянул Ци Чжоу. — Давай я всё включу в один счёт, а?

— Давай.

Ци Чжоу тихонько выругался, а Цзян Шоуянь усмехнулся. Перед тем как повесить трубку, Ци Чжоу спросил, не хочет ли он захватить своего парня и прийти к ним вечером на ужин, благо идти было недалеко. Цзян Шоуянь немного подумал и отказался, решив, что это будет слишком неловко и стеснит хозяев. Ци Чжоу не стал настаивать и лишь попросил быть осторожнее в дороге.

Вскоре после того, как он закончил разговор, в номер вошёл Чэн Цзайе с охапкой чистой одежды и принялся собирать чемодан. Они купили билеты на завтрашний день, на поезд Харбин — Мохэ, в мягкий вагон. Сейчас был не туристический сезон, так что с билетами проблем не возникло.

Цзян Шоуянь пересел на край кровати, наблюдая, как Чэн Цзайе скомкал длинный пуховик и с силой запихнул его в чемодан.

— Ты всегда так собираешься? — спросил Цзян Шоуянь.

Чэн Цзайе всегда не хватало терпения на подобные вещи: главное, чтобы в итоге застегнулась молния на чемодане, полная неразбериха внутри его совершенно не волновала.

— Всё равно потом доставать и носить, влезло — и ладно, — ответил Чэн Цзайе.

Цзян Шоуянь немного понаблюдал за этим безобразием и, когда терпение лопнуло, шлёпнул по руке Чэн Цзайе, который пытался затолкать пуховую жилетку в самый дальний угол. Усевшись на кровати по-турецки, Цзян Шоуянь выпотрошил чемодан, разложил перед собой вещи, а затем начал аккуратно их укладывать заново.

Чэн Цзайе подпёр подбородок рукой и, прищурившись, с улыбкой наблюдал за ним.

— Если одежду не складывать, она помнётся, — объяснил Цзян Шоуянь.

— Вытащишь, пару раз встряхнёшь — и разгладится, — ответил Чэн Цзайе.

Цзян Шоуянь бросил на него косой взгляд. Тогда Чэн Цзайе, улыбаясь, подался вперёд и звонко его расцеловал. Целуя, он не переставал нахваливать Цзян Шоуяня за то, как ловко у него получается складывать вещи: мол, сам-то он так не умеет, у него вечно всё свалено в кучу, и достаёт он потом один большой ком одежды. Он так усердно накачивал Цзян Шоуяня эмоциональной поддержкой, что тому в конце концов стало неловко. Не в силах больше это слушать, он повернулся и заткнул Чэн Цзайе рот поцелуем. Чэн Цзайе был на седьмом небе от счастья.

В памяти Цзян Шоуяня вагоны поездов были шумными и душными, насквозь пропахшими смесью табака и пота, а также неразрывно связанными с до боли знакомыми криками проводников: «Кому арахис и семечки?», «Уберите, пожалуйста, ноги!» Он несколько лет не ездил на поездах, и теперь, стоя на платформе и глядя на зелёные бока вагонов, на мгновение испытал странное чувство, словно встретил старого друга.

Чэн Цзайе приподнял свои пакеты прямо перед лицом Цзян Шоуяня, и тот, повернувшись, упёрся взглядом всё в те же два огромных цветастых одеяла. Подходящих сумок для них не нашлось, поэтому их запахнули в обычные прозрачные полиэтиленовые пакеты, которые всю дорогу притягивали удивлённые взгляды. Цзян Шоуянь только и делал, что натягивал шапку пониже да поправлял маску, лишь бы не быть узнанным.

— Ты только посмотри, как гармонично смотрятся цвета! — Чэн Цзайе ткнул его локтем в бок.
— Зелёный поезд и дунбэйское цветочное одеяло!

Сзади раздался тихий смешок. Цзян Шоуянь снова потянул за край шапки и буркнул:

— Угу, угу, очень гармонично.

Чэн Цзайе тоже услышал смех и обернулся. Там стояла молодая девушка. Казалось, она совершенно не ожидала, что обладатель такого чистого путунхуа окажется иностранцем, и замерла в лёгком недоумении. Чэн Цзайе дружелюбно ей улыбнулся. Девушка слегка покраснела, тоже едва заметно улыбнулась в ответ, а затем её взгляд пару раз пробежался от Цзян Шоуяня к Чэн Цзайе и обратно, и она залилась краской ещё сильнее.

Когда Цзян Шоуянь повернул голову, он как раз наткнулся на её взгляд, в котором читалось какое-то тихое, невысказанное воодушевление. Ничего не поняв, Цзян Шоуянь проследил за тем, как она торопливо затаскивает свой чемодан в вагон, затем обернулся, хлопнул Чэн Цзайе по плечу и тоже поднялся в поезд.

Коридор в вагоне был узким, но, поскольку они немного задержались на платформе, им как раз удалось разминуться с основной толпой. Найдя свои места и пристроив багаж, Цзян Шоуянь отодвинул дверь купе мягкого вагона, заглянул внутрь и обомлел: там сидела та самая девушка с платформы. Она как раз пила воду и, видимо, тоже не ожидала такого совпадения — от неожиданности она поперхнулась, закашлялась, тут же вскочила с нижней полки и сказала:

— Садитесь, пожалуйста.

— Ничего страшного, — ответил Цзян Шоуянь, снимая шарф и усаживаясь напротив. — Сидите.

В купе мягкого вагона было всего две пары полок — верхние и нижние. У них с Чэн Цзайе обе были нижними, а у девушки — верхняя. Следом ввалился Чэн Цзайе со своими цветастыми одеялами в руках, явно намереваясь немедленно их расстелить. Подняв глаза и увидев их попутчицу, он тоже удивился такому совпадению:

— О, это вы!

Девушка, всё ещё с красными щеками, тихо ответила:

— Здравствуйте.

С появлением двух взрослых мужчин в купе воздух, казалось, стал гуще, а в вагоне на мгновение повисла тишина. Чэн Цзайе с одеялами в обнимку чинно уселся рядом с Цзян Шоуянем. Девушка немного пришла в себя и снова попыталась встать:

— Вы собираетесь стелить постель?

— Нет-нет, что вы, — замахал руками Чэн Цзайе. — Мы можем постелить и попозже. Вы пока посидите, отдохните. Вы в одиночку тащили такой огромный чемодан, должно быть, очень устали.

Разговор завязался, и дальше болтать стало гораздо проще. Девушка поджала губы и призналась:

— Вы так хорошо говорите на путунхуа! Я смотрю на ваше лицо, и у меня в голове прямо какой-то диссонанс.

Чэн Цзайе рассмеялся:

— Моя мама — китаянка, так что я с детства говорю на этом языке. — А затем спросил: — Вы путешествуете?

— Да, еду в Мохэ, — кивнула девушка.

— Какое совпадение, мы тоже.

Вдали непрерывной грядой тянулись заснеженные горы. Поезд, мерно покачиваясь, увозил их в зиму Большого Хингана.

<http://bllate.org/book/14908/1613520>